

Р. Эккерт

**ИМЕННЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ
В СЛАВЯНСКИХ И БАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКАХ**
(*Nomina agentis* вместо *verbum finitum*)

I. ВВЕДЕНИЕ

При изучении объемистой монографии А. Гатерса о синтаксисе латышских народных песен¹ я обратил внимание на то, что весьма часто в латышских дайнах употребляются не спрягаемые формы, а заменяющие их инфинитив или отглагольное существительное (*nomina agentis* и *nomina actionis*). В своем докладе на 16 Международной конференции Американской балто-славянской ассоциации 20.06.1998 г. в Блумингтоне “Тенденция к номинализации в языке латышских народных песен” я в сжатой форме изложил эту проблему на материале латышских дайнов (и некоторых литовских соответствий), а именно – замену спрягаемых глагольных форм как с помощью *nomina agentis*, так и *nomina actionis*.

При обсуждении моего доклада Стивен Янг (Мерилендский университет, графство Балтимор) обратил мое внимание на то, что ему известны по русским фольклорным текстам конструкции типа... *пирогов-то печея*, *щей варея* (говорится, вероятно, о жене или невесте) ‘та, кто печет пироги, варит щи’.

Позднее я прежде всего присмотрелся к русскому языку и к своему удивлению обнаружил ряд соответствий известным мне случаям из восточнобалтийских народных песен. Здесь я остановлюсь именно на них и, вследствие ограничения объема, – только на *nomina agentis*. Придется опустить также литовский материал.

Относительно истории исследования этой проблемы следует прежде всего сказать, что упомянутой тематикой занимались такие известные специалисты, как Ф.И. Буслаев² и А.А. Потебня³, причем последний очень внимательно анализировал также балтийский материал. В моем распоряжении находятся более обширные материалы по латышскому (частично и по литовскому) и русскому языкам, что дает мне возможность установить определенные балто-славянские соответствия.

II. ПРИМЕРЫ ГЕНЕТИЧЕСКОГО СООТВЕТСТВИЯ
NOMINA AGENTIS

1. Лтш. *šuveja*: рус. швея ‘та, которая шьет’

(1) Лтш. *Ziema meita māseciņa*, / *Būsi mana ligaviņa*, / *Man krekliņu šuvējiņa*, / *Raibu cimdu aditāja*⁴ ‘Зимой, девушка-сестричка, / станешь ты моей невестушкой, / кто мне рубашки шьет’ (букв. ‘мне швейей рубашек’), / ‘кто мне пестрые рукавицы вяжет’ (букв. ‘вязальщица пестрых рукавиц’).

(2) Рус. Жена моя ни вязаея (*швея*), ни печея, а толчея и мелея (Даль² III, 109). В русском примере, который содержит сразу пять *nomina agentis*, но ни одной формы *verbum finitum*, встретилось мне слово *швея*, связанное с рус. *шить*, лтш. *šut*, лит. *siūti* ‘шить’. В латышском мне известен целый ряд народных песен с уменьшительным *šuvējiņa* к *šuvēja* ‘швея’ в той же функции вместо *verbum finitum*, причем с некоторыми родительными определительными: *krakļu* или *krekliņa šuvejiņa* ‘швея рубашек’ и *vasku* (‘воск’) или *šunu* (‘соты’) *šuvējiņa* ‘швея воска’ или ‘швея сот’ – в двух последних случаях имеется в виду пчела.

2. Лтш. *virēja*, уменьш. *virējiņa*: рус. *варея* ‘та, которая готовит еду, варит’

(3) Лтш. *Pārvedu, pārvedu, / Pārputenēju/Dižu klaipu sereju / Biezputras virēju*⁵ ‘Я веду, веду (домой), / я веду с шумом-весельем / ту, которая большой каравай печет, / ту, которая кашу варит’, букв. ‘булочницу большого каравая, / повариху каши’. Для четвертой строки есть еще вариант: *Šķīdras putas vārītāju* ‘ту, которая варит жидкую кашу’, букв. ‘жидкой каши повариху’. Латышскому *virēja* более всего соответствует отличающееся ступенью чередования корневого гласного рус. *варея*. М. Фасмер объединяет, по-моему, обоснованно в одно этимологическое гнездо рус. *вар* ‘кипящая вода, смола; жара’ и связанное с ним *варить*, др.-рус., ст.-слав. *варити* и ст.-слав. *вьръѣти* ‘кипеть’ и рус. *вир* ‘омут, водоворот, глубокое место в озере, реке, болоте’ и восточно-балтийские соответствия: лит. *vėrdu, virti* ‘бурлить, кипеть’, лтш. *veřdu, viřt* ‘кипеть’, лит. *varūs* ‘уваривающийся’, лтш. *vāřit* ‘варить’, а также лит. *atvyrš* ‘встречное течение у берега’, *vūrius* ‘водоворот’ и лтш. *virags* ‘водоворот, вихрь’ (Фасмер I, 273, 381). У Я. Эндзелина были сомнения именно из-за вокализма лтш. *vāřit* и он подозревал заимствование из рус. *варить* (Mühlenbachs-Endzelins IV, 505). По моему мнению, однако, вариантные формы в языке латышских дайн (мена *virēja* и *vāřitāja*), а также форма с вокализмом *-a-* – лит. *varūs* прямо свидетельствуют, что следует исходить скорее из родства, нежели из заимствования. Так, представлены в латышских народных песнях параллельно: *Šķīdras putas vārītāju* и *Šķīdras putas virējiņu* ‘жидкой каши повариху’⁶; *Azaidiņa vārītāja*⁷ и *Azaidiņa virējiņa*⁸ ‘стряпуха пици (трапезы)’. С вариантом *vāřitāja* я приведу еще следующую песню:

(4) *Lēņi, lēņi dūmi kāpa (kapj)/Pār namiņa jumtu galu:/ Vēca mana māmuliņa, / Azaidiņa vārītāja*⁹ ‘Медленно, медленно дым поднимается / над коньком дома: / старая моя мамочка, / которая готовит трапезу’, букв. ‘повариха трапезы’.

В дайнах определено преобладает уменьшительная форма. Только в приведенном выше примере (3) употребляется недиминутивная форма *virēja* (Mühlenbachs-Endzelins: *virēja*). Но в Mühlenbachs-Endzelins IV, 617 приведен еще один подобный случай:

(5) Лтш. *Laba virēja* – putru pīdedzinājuse!

Это ироническое употребление и лучше всего его передать так: ‘хороша стряпуха, которая дала каше пригореть!’

Я перехожу к русскому соответствию для лтш. *virēja* и *vārītāja*. В качестве первого примера я должен указать уже упомянутое выше рус. фольк. щей *варея*. Для весьма редкого рус. *варея* у меня есть еще один пример, хотя и не иллюстрирующий функцию *poepen agentis* как замены спрягаемой формы, но также взятый из языка фольклора:

(6) Рус. Уха сладка, *варея* гладка, будто ягодка (песня из Вологодской обл.)¹⁰.

3. Лтш. *malējiņa*¹¹ (уменьшительное к *malēja* ‘помольщица, которая мелет на ручной мельнице’¹²; рус. *мелея* то же и переносн. ‘болтун, сплетник, сплетница’

(7) Atsapūti, māmaliņ, / Nu meitiņas *malējiņas*; / Gan tu busi vedeklām / Rīta mālu *malējiņa*¹³ ‘Отдохни, мамочка, / Сейчас мелют дочери’¹⁴ – букв. ‘Сейчас дочери помольщицы’ / ‘Будешь ты для невестки / Завтра глину молоть’, букв. ‘Завтра помольщица глины’, то есть ‘умрешь’.

Рус. *мелея* представлено в уже цитированном выше примере (2): Жена моя ни вязея (швея), ни печея, а толчея и *мелея*. Судя по контексту, это слово употреблено здесь в переносном значении, а именно ‘та, которая болтает, болтунья’, ср. рус. *молоть* ‘измельчать на мельнице’ и ‘говорить чепуху’. В русских говорах *мелея* имеет следующие значения: ‘рукоятка жернова ручной мельницы; мельничный жернов; ветряная мельница; (м. и ж.р.) о том, кто мелет на мельнице’ (т.е. *poepen agentis* – Р.Э.), ‘(м. и ж.р.) о словоохотливом человеке; глупость, чушь’ (СРНГ 18,98). Различные значения, представленные в русских говорах, отчетливо указывают на развитие семантики от *poepen agentis* к *poepen instrumenti*, а также от первичного значения, связанного с ‘молоть’, к переносному значению (‘тот, кто говорит вздор’, ‘говорить вздор’ и также результат этого говорения). Здесь следует упомянуть, естественно, и рус. *пустомеля* ‘болтун’ – из *пуст-ой* и *молоть* (Фасмер III, 411, со ссылкой на А.И. Соболевского: Лекции по истории русского языка. Изд. 4-ое, М., 1907, 186, который возводит вторую часть сложения к старому причастию на -я).

В связи с переносным значением *молоть* я мог бы еще указать русское выражение *молоть чепуху* ‘говорить бестолково, несвязно, неправду’¹⁵ с вариантом *молоть вздор*, а также *молоть (чесать) языком*¹⁶. Вероятно, переносное значение *молоть* ‘говорить вздор’ возникло в результате свертывания словосочетания.

Примеры разделов II,1, II,2 и II,3 не только представляют однозначные балто-славянские соответствия в лексике и словообразовании, но, кроме того, выявляют и их синтаксическое употребление (использование *nomina agentis* вместо спрягаемых глагольных форм). В своем очер-

ке праславянского словообразования Ф. Славский приводит структуры на праслав. *-ǰь м.р. и *-ǰа ж.р., служащие для образования *potina agentis* и имеющие балтийские соответствия. Я могу добавить к этому, что соответствия распространяются также на важное синтаксическое употребление и тем самым являются еще более весомыми.

III. ПРИМЕРЫ, НЕ ЯВЛЯЮЩИЕСЯ ГЕНЕТИЧЕСКИМИ СООТВЕТСТВИЯМИ, НО ОХВАТЫВАЮЩИЕ ЛЕКСИКУ, ОБЪЕДИНЯЕМУЮ СЕМАНТИЧЕСКИМИ ГРУППАМИ

1. Лтш. *adītāja*: рус. *вязея*

(8) ... Man nebija māmuliņas, / Cimdu, zeķu *adītājas*¹⁷ ‘Не было у меня мамочки, которая (мне) рукавицы (и) чулки вязала’, букв. ‘не было вязальщицы рукавиц и чулок’.

Русское соответствие – многократно уже цитировавшийся пример: Жена моя ни *вязея*... (Даль² III, 109). Наряду с встречающимся в некоторых местах *вязея*, которое довольно редко употребляется и относится только к вязанию на спицах (Даль² I, 337), есть еще *вязальщик*, *-щица*, *вязчик*, *вязала* ‘вяжущий, связывающий что-либо; занимающийся вязанием бунтов или чулков, сетей’.

2. Лтш. *vērpēja*: рус. (часто) *пряльница*, (тонко) *прядница*

(9) Nav māmīņas *vērpēja*¹⁸ ‘Нет (у меня) мамочки, которая прядет’, букв. ‘Нет маменьки-пряхи’.

(10) Рус. ... Всем головушка есть Авдотьюшка, / Есть Авдотьюшка, дочь Кудимовна. / Да и Дарьюшка *частопряльница*, / А Федосьюшка – *тонкопрядница*, / А Марьюшка – шелкошвейница¹⁹. Особенно интересно, что в языке русского фольклора нередки сложные слова, тогда как в других языках (например, в латышском) представлен родительный определительный.

3. Лтш. *velētāja*: рус. (порт) *мойница*

(11) Balts gulbīts ezerā, / Balts krekliņš mugurā; / Man māsiņa *velētāja*, / Man tik balta nevelēja²⁰ ‘Белый лебедь на озере, / с белой рубашкой на спине; / Моя сестрица стирает для меня’, букв. ‘У меня сестрица прачка’, / ‘Только стирает она не так добела’.

(12) Рус. В чем я дочь да провинилась? / Видно я, кормилец-батюшко, / Не раба была работница, / Не белая *портмойница*²¹. По Далю, рус. диал. *портмоя*, *портмойница* (вологод.) имеет значения ‘кто стирает, промывает стиркою, мытьем одежды, белья; прачка’ (Даль² III, 323).

4. Лтш. *dzērējiņš* (вариант *dzērājiņš*): рус. *пропойца*

(13) Лтш. Neaudz tāds, krustdeliņ, / Kādi tavi krustu tēvi: / Visu krogu *dzērājiņi*, / Kumeliņu skrējējiņi²² ‘Не расти, крестничек, / Таким, как твои крестные: / которые во всех кабаках пьют’, букв. ‘пьяницы всех кабаков’, / ‘коней загоняют’, букв. ‘загоняющие, запаливающие коней’.

В латышских народных песнях чаще встречается krogu *dzērējiņš*, а также alutiņa *dzērējiņš* ‘пьющий пиво’ и asariņa *dzērājiņa* ‘пьющая слезы’. При этом имеется в виду свекровь, делающая жизнь невестки тяжелой.

(14) Рус. ... Молодая жена идет: / Ступай, пьяница, домой. / Ты *пропойца* двора, / Ты пропилил мое житьё...²³

5. Лтш. *dancotāja, runātāja*: рус. *толчая, мелея*

(15) Лтш. Es negribu tadu vīru, / Kas kā bullis raudzījas; / Dziedātāju, *runātāju*, / Ar meitām *dancotāju*²⁴ ‘Не хочу я такого мужа, / который выглядит, как бык; / (Я хочу такого, который хорошо) поет, (находчиво) говорит’, букв. ‘певуна, говоруна’, / ‘который с девушками пляшет’, букв. ‘плясуна с девушками’.

(16) Рус. Жена моя ни вязаея (швея), ни печея, а *толчая* и *мелея* ‘Моя жена ни вязать (шить), ни печь не умеет, а только плясать (ногами толочь) и болтать’. Впрочем, рус. *печея* имеет семантическое соответствие в латышских народных песнях – см. выше (3) приведенное *dīžu klāiru serēju* ‘ту, которая печет большой каравай’, букв. ‘стряпуху большого коровай’.

6. Лтш. *gribētājs*: рус. *желатель*

(17) Лтш. Priekša mana, paķaļiņa, / Abas laba *gribētājas*: / Priekša grīb priekšautiņa, / Paķaļiņa lindrasiņu ‘Передок мой и задок / Оба желают добра’, букв. ‘оба желатели добра’ / Передок хочет передничек, / Задок хочет юбочку’.

(18) Рус. (пословица) Другъ льстивъ корысти *желатель*. (Симони – СДР II, 95). Ср. еще

(19) Ст.-рус. Я о твоємъ здоровѣ *желатель* слышать (Письмо к Голицину – СлРЯ XI–XVII вв. 5, 80). Ср. и

(20) Ст.-рус. *желатель* скотинамъ (Там же) ‘похититель скота’.

7. Лтш. (*darba*) *strādātāja*: рус. *работница, трудница*

(21) Лтш. Dziedātāja ta meitiņa, / Ta nav darba *strādātāja*: / To bijņemtu mus'kantam, / Ne manami bāliņam²⁵ ‘Та девушка, которая поет’, букв. ‘Певунья та девушка’, / ‘та не выполняет работу’, букв. ‘та не исполнительница работы’ / ‘Та должна была идти за музыканта, / А не за моего братца’.

(22) Рус. Без тебя, да мила сестрица, / Не работница я, не трудница (Барсов I, 162²⁶).

Ср. еще следующий пример:

(23) Рус. По работе и плата, Или я вам не слуга была, или не работница (Даль² IV, 6).

В латышских дайнах встречается еще синонимичное по отношению к darba *strādātāja* выражение darba *darītāja*:

(24) Лтш. Adatīņa maža sieva, / Liela darba darītāja...²⁷ ‘Иголочка – маленькая жена, / Большую работу исполняет’, букв. ‘большой работы исполнительница’.

8. Лтш. *dēvējiņš*: рус. *дахарь*

(25) Лтш. Godam sedzu sudrabiņu, / Ne savam siltumam; / Godam mani bālelīni, / Ne maižītes *dēvējiņi*²⁸ ‘Чести ради я покрываю серебром, / не ради своего тепла; / Чести ради мои братцы / не дают хлеба’, букв. ‘не податели хлеба’. Смысл песни, вероятно, следующий: ‘(Девушка) делает добро не ради выгоды, а её братья не делают ничего ради сестры’²⁹.

(26) Рус. (пословица) Будешь *дахарь*, будешь и взяхарь²⁹ ‘Если ты (другому) хочешь давать, то и сам бери’. Здесь можно привести еще один пример, который также содержит помен agentis, но с другим суффиксом:

(27) *Давальцы* да братки (Даль² I, 126) ‘дающие и берущие’.

Перечень такого рода соответствий легко продолжить. Однако достаточно показать, какие семантические группы *nomina agentis* обнаруживают синтаксическую общность и какую близость демонстрируют латышский и русский языки фольклора.

IV. РУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ, ОТРАЖАЮЩИЕ ЗАМЕНУ СПРЯГАЕМЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ С ПОМОЩЬЮ NOMINA AGENTIS

В предшествующей части настоящей статьи уже встречались пословицы. См. примеры (18) и (26). Количество примеров из области русской паремологии можно увеличить. Неслучайно в фразеотекстах, то есть фразеологизмах-предложениях (в том числе, по моему мнению, и пословицах) архаичные синтаксические черты сохранились отчасти лучше, чем где-либо еще. Ср.:

(29) Рус. Жатва многа а ~~д~~лателей мало³⁰ ‘Жатва велика (обильна), но мало кто (ее) собирает’. Ср. у Даля *делатель* ‘делающий что-либо,

²⁹ По мнению специалиста по латышскому языку В.Э. Сталтмане (устно), смысл песни скорее, такой: ‘Я вышиваю серебром ради почта, а не тепла; также и братья дают мне почет, но не они будут мне кормильцами’. – Примечание переводчика.

работающий, трудящийся', *делатель* нивы и *делатель* почвы умственной равно почтенны (Даль² I, 510).

(30) Рус. Мужь дому *строитель*, нищете *отгонитель*³¹ 'муж – тот, кто строит дом, отгоняет нищету'.

(31) Рус. На кривой судъ *обросца* нѣтъ³² 'за неправый суд никто не спросит'. Ср. рус. *опрашивать*, *опросить* 'допрашивать по праву; спрашивать многих о чем и узнавать' (Даль² II, 684).

V. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

А.И. Буслаев исходил из того, что глаголы переходят в имена и это приводит к сокращению предложения до формы субстантива, что, по его мнению, можно проследить по древним памятникам и народной речи³³. А.А. Потебня критиковал эту точку зрения в отношении первичного характера глагола в сравнении с именем и происхождения предложения, состоящего только из инфинитива (который, как известно, именного происхождения) или из *nomen agentis*, без спрягаемых форм³⁴. По Буслаеву, эти предложения произошли из придаточных предложений, что неубедительно при учете их вторичного характера. Скорее прав Потебня, который пишет: "Предикативность и атрибутивность имени, иначе – именной характер предложения, увеличивается по направлению к древности"³⁵. Его заслугой является также сравнение этих явлений, обнаруженных им в славянских языках (древнерусском, украинском, сербском), с соответствующими фактами в балтийских (особенно в латышском, но также и в литовском) и в древнеиндийском. Он первый, прежде всего, исследовал в латышском (на материале языка латышских народных песен) замену спрягаемых глагольных форм на *nomina agentis* со связкой. Он также подхватил мысль А. Биленштейна о том, что эти конструкции с *nomen agentis* могут передавать длительное действие субъекта, причем он склонялся к тому, чтобы воспринимать их как выражение "постоянства действия"³⁶. Таким образом очень хорошо объясняется пример из книги А. Гатерса:

(32) Лтш. *Kam, māmiņa, smalku predi...? / Tava smalka valkātāja / Guļ zem zaļu velēniņu*³⁷ 'Зачем, матушка, ты тонко прядешь? / (Твоя дочь), которая обычно носила тонкое', букв. 'носительница тонкого' / 'лежит под зеленым дерном', то есть 'умерла'.

Рассматриваемая проблема уже изучалась для индоевропейских языков, прежде всего в классической работе В. Порцига "Die Namen für Satzinhalte im Griechischen und Indogermanischen" (Berlin, 1942), однако при этом славянские и балтийские языки в сущности остаются обойденными, хотя, как я попытался показать, для их привлечения есть и теоретические основания, и немалый материал. В. Порциг пишет по поводу балто-слав. **tokos* следующее: "Можно воспринимать источники и реки как 'вытекающие' и 'текущие' или 'бегущие', но вытекание и течение воспринимаются зрительно. Поэтому бег реки называется **tokos*

(авест., балт.-слав.)”³⁸. В. Порциг мог бы блестяще подтвердить свою мысль следующей латышской народной песней:

(33) Лтш. *Līgotāji ezariņi / Kaut urīte tecētāja; / Dēvējiņi bāleliņi / Kaut māšiņa gājejiņa*³⁹ ‘Озера взволновались бы, / Кабы речка потекла; / Братцы дали бы, / Кабы сестрица пошла (в другой дом, то есть замуж)’, букв. ‘Озера – волнователи, / когда речка – текун; / братцы – даватели / когда сестрица – уходящая’. Песня не содержит ни единой спрягаемой формы глагола, но вместо них четыре *potina agentis*.

Рассмотренное в моей работе на материале славянских и балтийских языков (преимущественно латышского и русского) явление (*poten agentis* вместо *verbum finitum*) может быть обнаружено и в ряде индоевропейских языков (греческом, древнеиндийском, хеттском) и должно оцениваться как архаическая черта, которая связана с возникновением и функционированием отглагольных имен и вообще с “именами действия”.

В заключение своей статьи я хотел бы привести два примера из сочинения известного русского классика А.С. Грибоедова, которые соотносятся с моей темой:

(34) Я глупостей не *чтец*, а пуще образцовых.

Думаю, что глубоко мною почитаемый юбиляр, которому я посвящаю эти заметки, может сказать это с полным правом о себе!

(35) Вон из Москвы! Сюда я больше не *ездок*! Вот этого я никак не мог бы сказать о себе, поскольку более восьми лет своей юности и студенчества я провел в этом городе, где мне посчастливилось познакомиться с Олегом Николаевичем и где мы постоянно вели поучительные беседы.

Примечания

¹ *Gäters A. Lettische Syntax. Die Dainas / Herausgeg. von H. Radke, Peter Lang-Verlag, Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien, 1993, 679 S. (Далее – Gäters. Lett. Syn.). – См. еще рецензию: Eckert R. // ZfSl 42, 2, 1997, 245–248 и Eckert R. Zur Bedeutung der Lettischen Syntax von Alfred Gäters // Baltistica XXXII (1), 1997, 119–124.*

² *Буслаев Ф. Историческая грамматика русского языка. Изд. 2-ое, переделанное. М., 1863, 307–310 (Далее – Буслаев ИГРЯ).*

³ *Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. III. М., 1968. 274–306 (Далее – Потебня ИЗРГ, III).*

⁴ *Latvju dainas. Kr. Barona un H. Wissendorffa izdotas. Bd. I–IV. Jelgava; Peterburgā, 1894–1910 (Далее – Latvju dainas). Bd. III, 1, 144, № 13783.*

⁵ *Ibidum III, 2, 401; № 18651.*

⁶ *Ibidem III, 2, 402; № 18659, 3.*

⁷ *Ibidem I, 507; № 3201.*

⁸ *Ibidem III, 1, 144; № 13278.*

⁹ *Ibidem I, 507, № 3201.*

¹⁰ *Словарь русского языка, составленный II отделением ИАН. Т. I. СПб., 1891–1895, 339.*

См.: *Eckert R. Stehende Vergleiche mit dem Wort für “Beere” im Ostbaltischen und Ostslawischen // ZfSl 39.2, 1994, 185–202.*

- ¹¹ О помольщиках, булочницах и пахарях в латышских народных песнях и поразительных типологических соответствиях в хеттском см.: *Eckert R. Die Baltistik als Universitätsfach // Beiträge zur Baltistik und Slawistik (Wissenschaftliche Beiträge der Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald). Greifswald, 1992, 9–11.*
- ¹² Часто употребляется также для обозначения невестки, которая должна была раньше молоть на ручной мельнице, см. *Mühlenbachs-Endzelins II, 557–558.*
- ¹³ *Latvju dainas I, 501; Nr. 3152.*
- ¹⁴ 'Erhole dich, Mütterchen, / Jetzt mahlen die Töchter' – Здесь и далее немецкий перевод А. *Gäters. Lett. Synt.*
- ¹⁵ *Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Посмертное издание. СПб., 1912, 983–984.*
- ¹⁶ *Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М., 1967, 253, 256.*
- ¹⁷ *Gäters. Lett. Synt. 30.*
- ¹⁸ *Ibidem, Nr. 38388.*
- ¹⁹ *Собрание народных песен П.В. Киреевского. Л., 1983, 172, № 369 (Далее – Киреевский).*
- ²⁰ *Latvju dainas IV, 417; Nr. 30957.*
- ²¹ *Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Ч. IV. СПб., 1867, 117 – Цит. по: А.А. Потебня. ИЗРГ III, 281.*
- ²² *Latvju dainas I, 255; Nr. 1462.*
- ²³ *Киреевский 120, № 249.*
- ²⁴ *Latvju dainas II, 614; Nr. 9775.*
- ²⁵ *Ibidem I, 863; Nr. 943, Ergänzungsteil.*
- ²⁶ *Цит. по: Потебня ИЗРГ III, 281.*
- ²⁷ *Latvju dainas II, 270, Nr. 7149.*
- ²⁸ *Ibidem I. 565; Nr. 3649.*
- ²⁹ *Буслаев ИГРЯ 310.*
- ³⁰ *Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. Составил П. Симони. I–II. СПб., 1899, 99.*
- ³¹ *Там же, 119.*
- ³² *Там же, 127.*
- ³³ *Буслаев ИГРЯ 308.*
- ³⁴ *Потебня ИЗРГ III, 274 след.*
- ³⁵ *Там же, 276.*
- ³⁶ *Там же, 283.*
- ³⁷ *Gäters. Lett. Synt. 37; Nr. 38310.*
- ³⁸ *Porzig W. Die Namen für Satzinhalte im Griechischen und Indogermanischen. Berlin, 1942, 312.*
- ³⁹ *Latvju dainas III, 449; Nr. 14946.*

Перевела с немецкого Ж.Ж. Варбот